

дерева, продолжительность использования гнездового участка и использования гнездовой постройки. Всего за время исследования отмечены 9 видов гнездовых деревьев. В 39,5% случаев использовался дуб, второе место занимает берёза (23%), третье — сосна (15,4%), использование других видов деревьев было нерегулярным. Для коршуна преобладающим гнездовым деревом служит дуб (использовался в 53% случаев). Другие деревья коршун выбирает крайне редко: нам известны по 1 гнезду на иве, берёзе и ясене. До 2010 г. доминирующим гнездовым деревом для построек канюка служила берёза (35% случаев), второе и третье места занимали дуб (29%) и сосна (22%). После пожаров 2010 г. в период 2013–2018 гг. основным гнездовым деревом стал дуб (37%), берёза и сосна составляли по 22%. С постепенным выпадением берёзы из лесных массивов в последние два года наблюдений на берёзе достоверно гнездилась только одна пара, 60% гнездовых построек располагались на дубах. Чаще всего пары занимали гнёзда однократно (15 случаев для чёрного коршуна и 37 для канюка). Два года подряд гнездо использовалось значительно реже, в 6 и 11 случаях, соответственно. Для одной гнездовой пары канюка доказано гнездование в одном гнезде 7 лет подряд. Одно и то же гнездо в разные годы исследований могло быть занято разными видами хищных птиц. В 4 случаях гнёзда занимали чёрный коршун и канюк, по одному случаю гнездо использовалось канюком (2013) и тетеревятником (*Accipiter gentilis*) (2008, 2009); ушастой совой (*Asio otus*) (2008) и канюком (2009); орлом-карликом (*Hieraaetus pennatus*) (2009), канюком (2013) и коршуном (2014). За время исследований отмечены 9 неудачных попыток гнездования канюка: пара приступала к насиживанию, но по каким-то причинам гнездо оказывалось брошенным: в двух случаях их разорял тетеревятник (птены погибли). В трёх случаях после неудачной попытки размножения птицы использовали это же гнездо в следующем сезоне. Для коршуна неудачных попыток гнездования не выявлено. Пустующее гнездо обычно разрушается в течение одного-двух лет, однако в 5 случаях разрушенные постройки мы наблюдали уже в следующий полевой сезон после удачного гнездования птиц. Интересно, что два гнёзда птицы отстроили заново на том же гнездовом дереве (одно на берёзе, другое на сосне) взамен разрушенных.

МНОГОЛЕТНИЕ ТРЕНДЫ ЧИСЛЕННОСТИ ПТИЦ В ТИПИЧНОЙ ТУНДРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТАЙМЫРА

М.Ю. Соловьёв¹, В.В. Головнюк^{1,2}, А.Б. Поповкина¹, М.А. Сухова³,
А.Е. Дмитриев³, Т.Д. Мотовилов¹

¹ Биологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

² ФГБУ «Заповедники Таймыра», Норильск, Россия

³ Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН, Москва, Россия
mikhail-soloviev@yandex.ru

В 2004–2007 гг. в период с начала июня до начала августа мы изучали птиц на правобережье приустьевой части р. Верхней Таймыры (координаты полевого лагеря 74°09' с.ш., 99°34' в.д.) на центральном Таймыре. В 2022 г. нам удалось возобновить исследования в том же месте; их проводили теми же методами и в сопоставимые сроки. Это позволило оценить изменения в фауне и населении птиц по прошествии 15 лет. Обследована территория (около 85 км²) на двух сопоставимых по площади участках сопредельных ландшафтов: холмистой моренной и аллювиальной равнинах, разделённых протокой р. Верхней Таймыры. Сроки снеготаяния и пик весеннего половодья в 2022 г. были наиболее ранними по сравнению с 2004–2007 гг. Плотность гнездования птиц оценивали на 8 площадках сплошного учёта (где искали все гнёзда) общей площадью 2,18 км², а плотность крупных видов с обширными участками обитания — на 4 площадках выборочного учёта значительно большей площади, до 85 км². В 2022 г. мы нашли 434 гнёзда 40 видов птиц (в 2004–2007 гг. — 356–609 гнёзд). В плакорной тундре моренной равнины в 2005–2007 гг. общая плотность гнездования птиц не превышала 50 гнёзд/км², а в 2022 г. достигла 85 гнёзд/км² в основном за счёт роста численности лапландского подорожника (*Calcarius lapponicus*) и, в меньшей степени, краснозобика (*Calidris ferruginea*). В склоновой тундре, напротив, общая плотность оказалась минимальной (34 гнёзда/км²) по сравнению с 2004–2007 гг. (38–49 гнёзд/км²) за счёт снижения численности лапландского подорожника. В бугорковой тундре аллювиального ландшафта в 2022 г. плотность гнездования куликов и общая плотность птиц была средней, а плотность лапландского подорожника снизилась до минимума. Среди куликов плотность гнездования была мак-

симальна у кулика-воробья (*Calidris minuta*), а у дутьша (*C. melanotos*), наоборот, низка. В полигонально-бугристом болоте высокой поймы общая плотность была максимальной (178 гнёзд/км²) по сравнению с 2004–2007 гг. (58–165 гнёзд/км²), в первую очередь за счёт высокой плотности плосконосых плавунчиков (*Phalaropus fulicarius*), куликов-воробьёв и лапландских подорожников. В полигональном болоте общая плотность (118 гнёзд/км²) снизилась до минимальных значений 2004–2007 гг. (124–218 гнёзд/км²) из-за крайне низкой плотности куликов-воробьёв и весьма низкой — плосконосых плавунчиков. В аллювиальном ландшафте представлены также незначительные по площади местообитания с характерным набором видов: речной остров с ивняками и склон с байджарахами. Общая плотность гнездования в них составила 139 и 126 гнёзд/км², соответственно, — это минимальное и следующее после минимального значения за все годы. На острове сильно снизилась численность белохвостого песочника (*Calidris temminckii*) — наиболее обильного вида, а на склоне — наиболее массовых видов воробьинообразных: пепельной чечётки (*Acanthis hornemanni*), краснозобого конька (*Anthus cervinus*) и варакушки (*Luscinia svecica*). Возможно, что в последнем случае сказались поздние даты обследования. Численность леммингов в 2022 г. была достаточно высока, однако белые совы (*Nyctea scandiaca*), зимняки (*Buteo lagopus*), средние поморники (*Stercorarius pomarinus*) и, особенно, длиннохвостые поморники (*S. longicaudus*), а также часто связанные с миофагами краснозобые казарки (*Branta ruficollis*) гнездились с низкой плотностью. Минимальной за весь период исследований оказалась плотность вилохвостой чайки (*Xema sabini*) и полярной крачки (*Sterna paradisaea*). Гнездовая плотность тулесов (*Pluvialis squatarola*) осталась средней. Условия максимально раннего 2022 г., вероятно, вызвали перераспределение птиц между местообитаниями. На моренной равнине лапландские подорожники гнездились на больших высотах. В аллювиальном ландшафте плосконосые плавунчики и кулики-воробьи отдавали предпочтение полигонально-бугристым болотам, а не полигональным, расположенным ниже в ландшафте.

ОБЫКНОВЕННАЯ ПУСТЕЛГА В УСЛОВИЯХ «БОЛЬШОГО ИРКУТСКА»: ЭТАПЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ СИНАНТРОПИЗАЦИИ

М.В. Сони́на¹, Ю.А. Ду́рнев²

¹ Санкт-Петербургский институт природопользования, промышленной безопасности и охраны окружающей среды, Санкт-Петербург, Россия

² Университетский «Балтика-колледж», Санкт-Петербург, Россия
baikalbirds@mail.ru

Феномен размножения обыкновенной пустельги (*Falco tinnunculus*) в г. Иркутске, и переход городской популяции этого сокола к оседлому образу жизни были отмечены ещё в 1970-е гг. в районе Иркутского Академгородка (Чусова, Дурнев, 1979). За прошедшие 45 лет произошло фактическое слияние трёх городов, расположенных в южном Предбайкалье вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали (Ангарска, собственно Иркутска и Шелехова), в единый мегаполис «Большой Иркутск» с населением в 888 тыс. человек и протяжённостью не менее 65 км. Эти перемены городской среды в совокупности с изменениями климата региона, выражающимися в значительном смягчении сибирских зим, привели к значительным изменениям в экологии всех пернатых обитателей исследуемой территории, в том числе и обыкновенной пустельги. Вхождение пустельги в зимовку наблюдается в середине ноября, когда заканчивается осенний пролёт птиц из природных популяций (Сонин, 1959). Во второй половине ноября оседлые особи распределяются по оптимальным в кормовом и комфортном отношениях участкам, где и остаются до последней декады марта, когда начинается обратный пролёт улетавших на зимовку пустельг. В «Большом Иркутске» пустельга зимует отдельными особями по всему города, образуя небольшие концентрации лишь в районах крупных промышленных предприятий. Весенние элементы в поведении у городских пустельг проявляется уже в тёплые дни марта. К последней декаде этого месяца птицы занимают места гнездования, наиболее обследованные в Иркутском Академгородке. Все известные нам жилые и старые гнёзда пустельги ($n = 19$) расположены в зданиях НИИ и устроены весьма однотипно: они занимают вентиляционные ниши под крышами зданий, представляющих собой типовые 4-этажные крупнопанельные постройки 1970–1980-х гг. Эти ниши доступны для осмотра изнутри чердачных помещений зданий, что позволяет наблюдать за насиживанием кладок, ростом и раз-